

Организация волостей временнообязанных крестьян Вологодской губернии в 1861 году

С. А. Попов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса организации волостной структуры бывших крепостных крестьян в Вологодской губернии в 1861 г. Источниковую базу исследования составили законодательные акты и делопроизводственные материалы. Последние были выявлены в фондах Российского государственного архива и Государственного архива Вологодской области. Исследование показало, что процесс организации волостей и утверждения их состава завершился к сентябрю. Он включал в себя два этапа: первый заключался в разработке и утверждении проектов распределения селений на волости, второй – в непосредственном открытии волостей с формированием в них правлений. Региональные особенности расселения временнообязанных крестьян и преобладание здесь мелкопоместных помещиков повлияли на исследованный процесс. Так, особые комиссии, которым поручалось составление проектов, функционировали только в трех юго-западных уездах, на остальной территории их обязанности исполняли уездные исправники. По инициативе мировых посредников второй период анализируемых мероприятий начался до согласования проектов волостей губернским присутствием. Первоначально эти действия не встретили одобрения со стороны губернской власти. Однако уездные чиновники аргументированно отстаивали свою точку зрения. В результате региональная власть утверждала уже окончательно сформированный состав местных административных единиц.

Ключевые слова:

Европейский Север России, Вологодская губерния, волость, сельское общество, крестьянская реформа, крестьянство, трансформация, крепостное население, особая комиссия

Великие реформы 1860-х гг. запустили процесс модернизационных трансформаций в административно-территориальном и социально-экономическом устройстве сельского общества, в хозяйственном и культурном быту крестьян, а существовавшие ранее три крупнейшие категории сельского населения стали развиваться в едином направлении и по единым законам. Последовательно проводившиеся преобразования в помещичьей (1861), удельной (1863) и государственной (1866) деревнях включали

Organization of volosts of temporarily obligated peasants of the Vologda province in 1861

S. A. Popov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktывkar
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper deals with the analysis of the process of organizing the volost structure of former serfs in the Vologda province in 1861. The source base of the study was legislative acts and office materials. The latter were identified in the funds of the Russian State Archives and the State Archives of the Vologda Region. The study showed that the process of organizing volosts and approving their composition was completed by September. It included two stages: the first one was the development and approval of projects for the distribution of villages into volosts, the second one was the direct opening of volosts with the formation of boards in them. Regional features of the settlement of temporarily obligated peasants and the predominance of small landowners there influenced the process studied. Thus, special commissions entrusted with drawing up projects functioned only in three southwestern Uyezds, in the rest of the territory their duties were performed by Uyezd police officers. On the initiative of conciliators, the second period of the analyzed activities began before the approval of the volost projects by the provincial office. Initially, these actions were not approved by the provincial government. However, the Uyezd officials argued their point of view. As a result, the regional government approved the already finalized composition of local administrative units.

Keywords:

European North of Russia, Vologda Province, volost, rural society, peasant reform, peasantry, transformation, serf population, special commission

в себя комплекс мероприятий, где первоочередными задачами, стоявшими перед местной властью, являлись реформирование волостной структуры и формирование в ней аппарата крестьянского самоуправления. Базовые принципы ее реорганизации закреплялись Именным Высочайшим указом, данным Сенату [1, с. 136–137]. На начальном этапе они распространялись на территории проживания вышедшего из крепостной зависимости населения. Последовавшие затем законодательные акты, устанавли-

вая дополнительные условия и правила, расширили его нормы на удельных и государственных крестьян [2, 3].

Преобразование волостной структуры временнообязанных крестьян Вологодской губернии, как и на всем Европейском Севере России, протекало в рамках общероссийских тенденций. В отечественной историографии этот вопрос не привлек пристального внимания специалистов, хотя ими накоплен значительный опыт в изучении эволюции уездной власти и крестьянского самоуправления в 1860-х гг. Исследователи дореволюционного периода лишь констатировали объединение сельских обществ в волость, именую последнюю административной или административно-судебной единицей [4–6]. Основной акцент они направили на описание общей концепции комплектования волостных правлений, развития их функционала, взаимодействия с сельским управлением и мировыми посредниками.

В советское время изучение вопроса продолжилось в рамках направлений, выделенных на предыдущем этапе. Административное переустройство сельской местности, как правило, рассматривалось в контексте рассуждений о деятельности мировых посредников и обеспечения крестьян землей как в целом по стране [7–9], так и на региональном уровне [10]. Привлекая статистические источники и законодательные акты, исследователи представили отдельные данные о размерах вновь создававшихся волостей; определили хронологию как этого процесса, так и организации на местах органов крестьянского самоуправления. Правда, авторы не ставили цель раскрыть ход трансформации волостной организации ни в масштабах всей страны, ни в региональном аспекте.

В конце XX–начале XXI в. вектор изучения организации волостной структуры расширился, в том числе и касаясь административно-территориального устройства крестьян [11, с. 109–120, 144–153; 12], а исследования приобрели не только региональный, но и локальный характер [13, 14]. Авторы выделили и обосновали местные особенности реализации законодательства, регламентировавшего процессы данных преобразований; представили статус волости в вертикали административно-территориального устройства и административно-государственного управления; проследили взаимодействие правительства и губернской власти по разрешению возникавших затруднений. Одновременно с этим в трудах по-прежнему преобладал анализ реорганизации и функционирования института общественного самоуправления. Развитию волостной организации посвящены единичные научные сочинения, при чем только на материалах государственной деревни [15, 16]. Отдельно отметим монографию М. Е. Неёловой, в которой автор в рамках отдельной главы раскрыла процесс организации распределения селений на волости и сельские общества у временнообязанных крестьян Олонецкой губернии [11, с. 110–120]. Заметим, что отсутствие массового изучения темы наблюдается и по другим регионам страны. Так, например, нам известна только статья, в которой рассмотрена проблема формирования сельских обществ и волостей на территории Поволжья [17].

Резюмируя, отметим, что проблема реформирования волостной организации бывших крепостных крестьян Вологодской губернии заслуживает дальнейшего изучения, а ряд моментов нуждается в дополнительном анализе. К ним относятся: выявление процедуры проектирования и согласования структуры волостей и объединения в них сельских обществ; обоснование общих и отличительных черт в этих мероприятиях как на землях бывших трех основных категорий крестьянства, так и с соседними регионами Европейского Севера России. В настоящей работе проанализирован процесс организации волостной структуры бывших крепостных крестьян в 1861 г. на материалах Вологодской губернии.

Для реализации поставленной задачи использованы законодательные акты, устанавливавшие общие правила и требования к организации волостной структуры и распределению в них селений, а также права и обязанности губернской и уездной властей в этом процессе. Основным комплекс источников составили делопроизводственные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Вологодской области (ГАО). Они представлены циркулярами министерства внутренних дел (МВД), журналом Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия, отношениями губернатора и иными документами. Заявленная проблема рассмотрена с позиции «центр – периферия», т. е. в рамках изучения взаимодействия высшей власти с губернскими органами управления и уездных – с волостными.

В процессе организации волостной структуры в губернии, как и в целом по стране, условно можно выделить два этапа. Подготовительный период, заключающийся в составлении проектов распределения селений на волости. Эта задача поручалась специально создававшимся в уездах особым комиссиям. Его завершением можно считать, согласно закону, утверждение представленных списков губернским по крестьянским делам присутствием и передача их мировым учреждениям для последующего исполнения на местах. Второй период – непосредственное открытие волостей с формированием в них правлений, что входило в обязанности мировых посредников. При этом уже на первом этапе губернские власти должны были распорядиться об образовании сельских обществ и избрании в них крестьянских должностных лиц. Для реализации этих мероприятий местным губернским присутствием устанавливались конкретные сроки [1, с. 136–137]. В итоге на территориях проживания временнообязанных крестьян создавались практически новые местные административно-территориальные единицы.

В анализируемом регионе их основная масса концентрировалась в трех юго-западных уездах¹. 24 марта 1861 г. губернское присутствие после получения Высочайших положений о крестьянах распорядилось об открытии сельских обществ и избрании в них должностных лиц в уездах, где проживали временнообязанные крестьяне, за исклю-

¹ Не будем подробно рассматривать этот вопрос, так как ему посвящена отдельная статья автора [18].

чением Яренского и Усть-Сысольского уездов. В последних находились крепостные, приписанные к частным заводам, но присутствие не обладало подробными сведениями о них. Распоряжение о начале мероприятий по открытию здесь сельских обществ и образованию волостей последовало 12 июля, когда были получены необходимые сведения о заводских крестьянах и разъяснения министра финансов [19, л. 1].

В этот же день в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах были сформированы особые комиссии для составления проектов распределения селений на волости. Согласно законодательству, в них вошли: уездный предводитель дворянства, земский исправник, один из местных помещиков, а также при ней должен был находиться особый землемер [1, с. 137]. Имеющиеся в распоряжении автора источники не позволяют воссоздать состав каждой комиссии. Однако, согласно делопроизводственным материалам губернатора, можно утверждать, что возглавляли их местные предводители дворянства [20, л. 1, 4]. Так, по Вологодскому уезду это был отставной штабс-капитан Дмитрий Константинович Грязев, по Грязовецкому – отставной штабс-ротмистр Алексей Александрович Левашев и по Кадниковскому – отставной капитан-лейтенант Александр Михайлович Косаткин [21, с. 24, 27, 30].

В отличие от этих территорий, в Никольском и Тотемском уездах, где также проживали бывшие крепостные, обязанности комиссии были возложены на местных земских исправников [19, л. 1]. В первом случае это был коллежский асессор Николай Алексеевич Городецкий, а во втором – отставной поручик Иван Александрович Кошкин [21, с. 35, 40]. Причина указанного отличия – отсутствие здесь дворянских обществ, право на создание которых помещикам было предоставлено Жалованной грамотой 1785 г. [22]. Более того, в марте 1861 г. губернатор В. Ф. Пфелер в отношении, поданном министру С. С. Ланскому, указал на отсутствие в Никольском и Тотемском уездах помещиков [23]. Следовательно, сформировать здесь полноценный состав комиссий было невозможно. Аналогичная картина наблюдалась и в двух северо-восточных уездах губернии: Яренском и Усть-Сысольском, где на исправников было возложено не только составление проектов, но и открытие сельских обществ. По первому уезду – на титулярного советника Павла Андриановича Кочиева, и по второму – на отставного поручика Константина Васильевича Ласкевича [21, с. 44, 46].

Таким образом, с конца марта на территориях проживания временнообязанных крестьян начался процесс организации волостной структуры, который заключался в разработке проектов распределения селений на волости и образования сельских обществ с формированием в них сельских управлений. К 20 апреля проекты по Вологодскому, Грязовецкому и Кадниковскому уездам были составлены и переданы на ознакомление землевладельцам, в то время как по Никольскому и Тотемскому уездам этот процесс затянулся. Причину данной медлительности губернатор объяснил министру внутренних дел их исключительным положением, «по которому возбуждены исправниками некоторые вопросы, требовавшие особых

разрешений» [20, л. 1 об.–2]. При этом суть вопросов он не раскрыл.

На согласование проектов с помещиками и представление их для окончательного утверждения Вологодским губернским по крестьянским делам присутствием был установлен срок 20 июня 1861 г. [там же, л. 4]. Заметим, что только после этого, согласно п. 9. Высочайшего указа 19 февраля 1861 г., мировые посредники могли приступить к непосредственному образованию волостей и формированию в них правлений [1, с. 137]. Однако во время ознакомления с материалами комиссий вскрылось наличие в них значительного числа ошибок. Для их устранения, как сообщали уездные предводители дворянства, по Вологодскому уезду необходимо было получить замечания от всех мировых посредников по всем волостям, а по Кадниковскому – проект исправлялся по просьбам владельцев и замечаниям мировых посредников [20, л. 4]. Следовательно, к установленному сроку их окончательные варианты в губернское присутствие не поступили, а значит, процесс организации волостей мог затянуться на неопределенное время. Фактически же ситуация в регионе с формированием волостной структуры на землях временнообязанных крестьян обострялась иначе.

Анализ делопроизводственных материалов показал, что мировые посредники, вступив в должность, незамедлительно приступили не только к открытию сельских обществ, но и к формированию волостей с их правлениями. Подчеркнем, что это была непростая задача. Во-первых, на реализацию всех мероприятий отводился незначительный промежуток времени: шесть месяцев со дня получения Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Во-вторых, и самое главное, нужно было объединить селения конкретной категории крестьян, соблюдая предписания закона и учитывая такие особенности местности, как разбросанность общин по территории и соседство дворов помещичьих крестьян с другими категориями сельского населения. Правительство, как верно отметила М. М. Зинина, со своей стороны требовало от уездного начальства при создании сельских обществ и волостей, чтобы решения были своевременными, а сами крестьянские объединения – компактными и удобными в управлении [17, с. 114].

В результате в апреле сельские общества были открыты в Тотемском и Никольском уездах, а в мае и июне – в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском [19, л. 1]. В то же время уже в конце мая 1861 г. в губернское присутствие поступили первые уведомления мировых посредников об открытии волостных правлений. 28 мая посредник Вологодского уезда сообщил об одном таком факте, а в начале июня были получены еще два отношения мировых посредников из Грязовецкого и Кадниковского уездов об открытии в их участках всех 14 волостных правлений [20, л. 3–3 об.]. На полученные известия последовала моментальная реакция со стороны региональной власти. Напомним, что к этому моменту проекты распределения селений на волости не только не были утверждены, но даже и не были представлены в губернское присутствие, а значит действия уездных чиновников противоречили

закону. Поэтому 31 мая губернатор разослал по мировым участкам предупреждение о недопустимости преждевременных распоряжений об открытии волостных правлений, одновременно затребовав от посредников объяснений. Его реакция наглядно показывает, как власть, не вникнув в причинно-следственные связи самостоятельно принятого на местах решения и не разобравшись в преследуемых ими целях, моментально потребовала прекратить противоречащие закону действия. Хотя еще 4 мая 1861 г. Земским отделом МВД был направлен губернаторам циркуляр за № 28. В нем министр П. А. Валуев просил губернаторов и губернские по крестьянским делам присутствия «принять все законные меры к скорейшему образованию сельского и волостного общественного управления» [24].

Мировые посредники мотивировали свои действия необходимостью скорейшего формирования крестьянских органов самоуправления. Они указали, что избранные волостные власти располагают доверием населения. Поэтому крестьянские должностные лица, своевременно предотвращая всякое уклонение местных жителей от закона, могли содействовать посредникам в исполнении возложенных на них обязанностей [19, л. 1–1 об.]. Ознакомившись с приведенными доводами, губернатор признал крайнюю необходимость немедленного образования одновременно как сельского, так и волостного управлений. Изменив свое первоначальное решение, он передал право принятия окончательного распоряжения губернскому присутствию. В итоге последнее определило: «...разрешить мировым посредникам ныне же приступить к образованию волостей, на основании установленных для этого правил и применяясь к составленным уездными комиссиями проектам распределения помещичьих селений на волости, с тем, чтобы по мере образования волостей и открытия управлений, они тот час же сообщили губернскому присутствию проекты о образованных волостях, по данной форме, для рассмотрения и окончательного утверждения их» [20, л. 4–4 об.]. Следовательно, утверждение составленных особыми комиссиями проектов волостей осуществлялось губернским органом уже после фактического формирования в сельской местности новых административных единиц. Заметим, что описанная ситуация была характерна только для Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов, т. е. где основную долю сельского населения составляли временнообязанные крестьяне. В Тотемском и Никольском уездах открытие волостей и их правлений происходило в соответствии с утвержденными проектами, о чем 11 и 15 июля соответственно последовало распоряжение губернского присутствия [19, л. 1 об.].

Таким образом, первоначально проявив инициативу, мировые посредники трех юго-западных уездов продолжили организацию волостей и их правлений, одновременно направляя в губернское присутствие сведения о ходе дела. Так, например, 5 июля такая информация была представлена мировым посредником третьего участка Грязовецкого уезда Александром Шарыгиным [25, л. 3]. В итоге, ссылаясь на поступившие с мест данные, 3 июля В. Ф. Пфелер известил МВД, что «волостные общества открыты по Вологодскому уезду в одном мировом участ-

ке окончательно – в числе 8, по Грязовецкому уезду по двум мировым участкам в числе 5 и по Кадниковскому уезду в двух же участках окончательно в числе 23» [20, л. 7–7 об.]. Далее он уточнил, что в соответствии с проектами распределения селений на волости оставалось открыть: в Вологодском уезде 16 волостей, Грязовецком – 4, Кадниковском – 23, Тотемском – 2 и такое же число в Никольском уезде.

Распределяя селения на волости, посредники должны были опираться на имеющиеся в их распоряжении проекты особых комиссий. Однако, сравнив их с поступившими с мест формами, губернское по крестьянским делам присутствие обнаружило, что некоторые из них образованы с отступлением от первоначальных планов. Причину подобных отклонений уездные чиновники не поясняли. Поэтому, прежде чем утвердить итоговый состав волостей, оно распорядилось, чтобы «те и другие сведения о образовании волостей были рассмотрены всеми Посредниками подлежащих уездов в присутствии Местных Уездных Предводителей Дворянства и доставлены на утверждение непременно к 1 Августа, вместе с объяснениями о причине сделанных отступлений от первоначально составленных проектов» [19, л. 1 об.].

В соответствии с процитированным условием уездным предводителям дворянства поступали отношения губернатора, с требованием рассмотреть представленные посредниками сведения об образованных ими волостях на мировом съезде и разъяснить причины произошедших отступлений от проектов особых комиссий [25, л. 4, 7, 8]. Анализ постановлений этих съездов показал, что в большинстве случаев причины и характер изменений в регионе были идентичными. Свои действия мировые посредники мотивировали местными условиями и считали, что принятые ими правки являлись «нужными и необходимыми» [там же, л. 7 об.]. Своими действиями они стремились учесть пожелания крестьян и повысить эффективность функционирования волостных правлений.

Так, по Кадниковскому уезду отступления состояли в переводе волостных правлений из одной деревни в другую. Предводитель дворянства А. М. Косаткин особо подчеркнул, что произошло это «от того, что гг. мировые посредники при открытии волостей нашли более удобным и согласным с желанием крестьян по местным условиям помещения волостных управлений» [там же, л. 4 об.]. По Вологодскому уезду посредники произвели более существенные изменения в составах местных административных единиц [там же, л. 9 об.–11 об.]. В частности, по первому мировому участку Александр Владимирович Волоцкий, во-первых, ряд селений и деревень перевел из одной волости в другую, а также включил в волости пропущенные особой комиссией населенные пункты. Осуществляя данные мероприятия, он учитывал как просьбы землевладельцев, так и ближайшее расстояние деревень от волостных правлений. Во-вторых, он исключил из Шихинской волости деревню Чанниково землевладелицы Засодимской, передав ее во второй мировой участок. Целью этого было объединить в одном месте и в составе одной волости все селения помещицы. Помимо указанных

обстоятельств, произведенные изменения были обусловлены аналогичными с соседним уездом обстоятельствами, а также по просьбе самих крестьян для примерного соотношения волостей по общей численности землепользователей. Что касается второго и третьего мировых участков, то здесь были зафиксированы аналогичные как изменения, так и их причины [там же, л. 11 об.–13 об.]. Одновременно с этим посредники данных участков переименовали некоторые из волостей, сохранив их состав. Свои решения они аргументировали двумя фактами. Новые названия давались в соответствии с именованием прихода, на основании которого создана волость, или с наименованием центрального селения, где располагалось правление.

В целом, изменения, внесенные посредниками в проекты распределения селений на волости, были не только направлены на повышение эффективности деятельности волостных правлений и соблюдения интересов крестьян и землепользователей, но и в соответствии с нормами Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Заметим, что, рассмотрев на мировых съездах представленные губернским по крестьянским делам присутствием материалы, участники заседаний не давали оценку действий посредников. Зафиксировав отличия итоговых результатов формирования волостей от проектов комиссий и объяснив обстоятельства последовавших изменений, они отражали их в постановлении. Последний направлялся в губернское присутствие для окончательного утверждения.

Таким образом, процесс формирования волостей временнообязанных крестьян растянулся до сентября 1861 г. 13 сентября губернатор В. Ф. Пфелер проинформировал министра П. А. Валуева, что, во-первых, по всем уездам, в которых есть помещичьи имения, проекты распределения селений на волости губернским присутствием утверждены. Исключение составил Велико-Устюгский уезд, где по малому числу душ их образование признано невозможным. Во-вторых, они открыты повсеместно, за исключением по одной в Никольском, Яренском и Усть-Сысольском уездах [20, л. 8, 9]. В то же время этот месяц нельзя назвать окончательным в формировании волостной структуры на территориях проживания временнообязанных крестьян. Этот процесс продолжился, так как, знакомясь с отредактированными проектами распределения селений на волости по трем юго-западным уездам, губернское присутствие обнаружило нарушения норм Общего Положения о крестьянах. Это выражалось в следующем: некоторые сельские общества были образованы из разнопоместных имений, в которых числилось более 20 душ, а при образовании некоторых волостей в состав их населения были включены дворовые люди, находящиеся в обязательных отношениях к владельцам [там же, л. 8 об.–9]. Поэтому оно предписало мировым посредникам исправить выявленные недочеты.

Подводя общий итог, отметим, что в процессе организации волостей в Вологодской губернии условно можно выделить два периода. Первый этап – составление проектов распределения селений на волости и образование сельских обществ. Второй этап – организация волостей

в соответствии с утвержденными проектами и формирование в них правлений. Представленная последовательность мероприятий закреплялась законом, а значит была применима для всей территории страны. Однако региональные особенности, связанные с расселением временнообязанных крестьян и преобладанием здесь мелкопоместных помещиков, зачастую не проживавших в регионе, повлияли на исследованный процесс. Во-первых, особые комиссии, которым поручалось составить проекты, функционировали только в трех юго-западных уездах. На остальной территории их обязанности исполняли уездные исправники. Во-вторых, организация волостей и формирование в них правлений началось задолго до окончательного согласования планов по их составу губернским присутствием. В результате региональная власть утверждала уже окончательно сформированный состав местных административных единиц.

Проявленная мировыми посредниками инициатива преждевременного начала кампании по организации волостной структуры первоначально не встретила одобрения со стороны губернской власти. Однако уездные чиновники аргументированно отстаивали свою точку зрения и продолжили начатые ими действия. С другой стороны, последний факт внес коррективы в установленную законом процедуру. Итоговому принятию губернским присутствием решения о составе волостей предшествовал этап согласования внесенных посредниками в проекты особых комиссий изменений на уездном мировом съезде.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее – ПСЗРИ-2). Т. 36. Ч. 1. 1861. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36652. – С. 135–138.
2. ПСЗРИ-2. Т. 38. Ч. 1. 1863. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1866. – № 39792. – С. 680, 681–682.
3. ПСЗРИ-2. Т. 41. Ч. 1. 1866. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1868. – № 42899. – С. 36.
4. Корнилов, А. А. Деятельность мировых посредников / А. А. Корнилов // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 5. – М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1911. – С. 245.
5. Муравьев, В. Н. Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве / В. Н. Муравьев. – Новгород: Губернская тип., 1912. – С. 28–29.
6. Чарушин, А. А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении / А. А. Чарушин. – Архангельск: Губернская тип., 1911. – С. 4.
7. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. – С. 134–139, 168–173.
8. Зайончковский, П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – С. 94–99.

9. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1978. – С. 28–37.
10. Филиппов, Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии / Р. В. Филиппов. – Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. – С. 82–83, 112–113.
11. Неёлова, М. Е. Реформа и реформаторы: создание и деятельность новых местных органов государственного управления социально-экономической жизнью крестьянства России в 60–70-х гг. XIX в. (на материалах Олонецкой губернии) / М. Е. Неёлова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 256 с.
12. Чупров, В. И. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.) / В. И. Чупров, В. В. Шаньгина. – Сыктывкар: ООО «Изд-во "Кола"», 2013. – С. 39–40, 56–58.
13. Неёлова, М. Е. К истории института мировых посредников (на примере Олонецкой губернии) / М. Е. Неёлова // Кижский вестник: сб. статей. Вып. 9. – Петрозаводск, 2004. – С. 65–78. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (дата обращения: 16.07.2025).
14. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 19, 21.
15. Кораблев, Н. А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII – начале XX века / Н. А. Кораблев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 15.
16. Попов, С. А. Критерии образования волостей в государственной деревне по законодательным источникам конца XVIII – второй половины XIX века / С. А. Попов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 4 (27). – С. 28–32.
17. Зинина, М. М. Деятельность мировых посредников Поволжья по созданию сельских обществ и волостей / М. М. Зинина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 2 (46). – С. 113–116.
18. Попов, С. А. Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов / С. А. Попов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 10 (76). – С. 20–23. DOI 10.19110/1994-5655-2024-10-18-25
19. РГИА. Ф. 1181. Оп. 2. Д. 17.
20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861 г. Д. 30.
21. Адрес-календарь служащих в губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. – Вологда: Тип. губернского правления, 1861. – С. 5–55.
22. Савицкий, И. В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX–начале XX вв. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Иван Владимирович Савицкий; Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – С. 154–155.
23. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861 г. Д. 6. Л. 1 об.
24. РГИА. Ф. 1286. Оп. 22. Д. 1162. Л. 1.
25. ГАРС. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1743.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1863. – № 36652. – P. 135–138.
2. Ibid. Vol. 38. Part. I. 1863. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1866. – № 39792. – P. 680, 681–682.
3. Ibid. Vol. 41. Part. I. 1866. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1868. – № 42899. – P. 36.
4. Kornilov, A. A. Deyatel'nost' mirovykh posrednikov [Activity of conciliators] / A. A. Kornilov // Velikaya reforma [19 fevralya 1861–1911]: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem. Yubileinoe izdanie [The Great Reform [February 19, 1861–1911]: Russian society and the peasant question in the past and present. Anniversary edition]. Vol. 5. – Moscow: I. D. Sytin Publ. House, 1911. – P. 245.
5. Muravyev, V. N. Mel'kaya edinit'sa samoupravleniya v russkom zakonodatel'stve [Small unit of self-government in Russian legislation] / V. N. Muravyev. – Novgorod: Governorate Printing House, 1912. – P. 28–29.
6. Charushin, A. A. Krest'janskije shody v bytovom ih osveshchenii [Peasant gatherings in their everyday coverage] / A. A. Charushin – Arkhangelsk: Governorate Printing House, 1911. – P. 4.
7. Zayonchkovsky, P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia] / P. A. Zayonchkovsky. – Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1954. – P. 134–139, 168–173.
8. Zayonchkovsky, P. A. Provedenie v zhizn' krest'janskoy reformy 1861 g. [Implementation of the peasant reform of 1861] / P. A. Zayonchkovsky. – Moscow: Publ. House of Social and Economic Literature, 1958. – P. 94–99.
9. Druzhinin, N. M. Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg. [Russian village at the turn of 1861–1880] / N. M. Druzhinin. – Moscow: Nauka Publ., 1978. – P. 28–37.
10. Filippov, R. V. Reforma 1861 g. v Olonetskoi gubernii [The reform of 1861 in the Olonets province] / R. V. Filippov. – Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1961. – P. 82–83, 112–113.
11. Neyolova, M. E. Reforma i reformatory: sozdanie i dejatel'nost' novykh mestnykh organov gosudarstvennogo upravleniya social'no-jekonomicheskoy zhizn'ju krest'janstva Rossii v 60–70-h gg. XIX v. (na materialah Oloneckoj gubernii) [Reform and reformers: the creation and activities of new local bodies of state administration of the socio-economic life of the peasantry of Russia in the 1860–1870s of the XIX century (based on materials from the Olonets province)] / M. E. Neyolova. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ. House, 2012. – 256 p.

12. Chuprov, V. I. Krest'yanskaya obshchina Komi kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1861 – fevr. 1917 gg.) [Peasant community of Komi territory in the second half of XIX–beginning of XX century (1861 – February 1917)] / V. I. Chuprov, V. V. Shangina. – Syktyvkar: LLC Kola Publ. House, 2013. – P. 39–40, 56–58.
13. Neyolova, M. E. K istorii instituta mirovykh posrednikov (na primere Olonetskoi gubernii) [To the history of the Institute of conciliators (on the example of Olonets province)] / M. E. Neyolova // Kizhskii vestnik [Kizhi Bull.]: collection of papers. Issue 9. – Petrozavodsk, 2004. – P. 65–78. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (accessed: 16.07.2025).
14. Kotov, P. P. Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie process [Tsar family peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 19, 21.
15. Korablev, N. A. Evoljucija administrativno-territorial'nogo ustrojstva Karelii v XVIII – nachale XX veka [Evolution of administrative-territorial system of Karelia in XVIII – early XX century] / N. A. Korablev // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 15.
16. Popov, S. A. Kriterii obrazovaniya volostej v gosudarstvennoj derevne po zakonodatel'nym istochnikam konca XVIII – vtoroj poloviny XIX veka [Criteria for the formation of volosts in the state village according to legislative sources of the end of the XVIII – second half of the XIX centuries] / S. A. Popov // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki [Bull. of Vologda State Univ.. Series History and Philology]. – 2022. – № 4 (27). – P. 28–32.
17. Zinina, M. M. Dejatel'nost' mirovykh posrednikov Povolzh'ja po sozdaniyu sel'skih obshchestv i volostej [Role of conciliators in establishing rural communities and volosts in the Volga region] / M. M. Zinina // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta [Bull. of Saratov State Social and Economic Univ.]. – 2013. – № 2 (46). – P. 113–116.
18. Popov, S. A. Chislennost' i razmeshhenie krest'jan na Evropejskom Severe Rossii v konce 1850-h godov [The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s] / S. A. Popov // Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2024. – № 10 (76). – P. 20–23. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-10-18-25
19. RGIA. F. 1181. Op. 2. D. 17.
20. Ibid. F. 1291. Op. 36. 1861. D. 30.
21. Adres-kalendar', sluzhashchih v gubernii [Address calendar of employees in the province] // Pamjatnaja knizhka dlja Vologodskoj gubernii na 1861 god [Memorable book for the Vologda province for 1861]. – Vologda: Provincial Printing House, 1861. – P. 5–55.
22. Savitsky, I. V. Dvoryanstvo Evropejskogo Severa Rossii v sereдинe XIX – nachale XX vv. (Po materialam Olonetskoi, Vologodskoi i Arkhangel'skoi gubernii) [The nobility of the European North of Russia in the mid-XIX–early XX centuries (on materials of the Olonets, Vologda and Arkhangelsk provinces)]: diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02 / Ivan Vladimirovich Savitsky, Petrozavodsk State Univ. – Petrozavodsk, 1998. – P. 154–155.
23. RGIA. F. 1291. Op. 36. 1861. D. 6. L. 1 ob.
24. Ibid. F. 1286. Op. 22. D. 1162. L. 1.
25. GAVO. F. 18. Op. 1. D. 1743.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме: «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI – XX веках» (Пер. № ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006-8-6.1.1).

Acknowledgements (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic: «State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI – XX centuries» (subject code: FUUU-2025- 0026).

Информация об авторе:

Попов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0009-0009-4181-9577 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Sergei A. Popov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0009-0009-4181-9577 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Попов, С. А. Организация волостей временнообязанных крестьян Вологодской губернии в 1861 году / С. А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. – 40–47.

For citation:

Popov, S. A. Organization of volosts of temporarily obligated peasants of the Vologda province in 1861 / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 40–47.

Дата поступления статьи: 02.09.2025

Прошла рецензирование: 05.09.2025

Принято решение о публикации: 12.09.2025

Received: 02.09.2025

Reviewed: 05.09.2025

Accepted: 12.09.2025